

МИХАИЛ СТЕПАНОВ*

РЕСПУБЛИКАНИЗМ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

Получено: 19.06.2024. Рецензировано: 20.05.2025. Принято: 23.07.2025.

Аннотация: После переоткрытия республиканизма во второй половине XX в. представителями Кембриджской школы политической мысли он остается одним из наиболее востребованных направлений в современной политической философии. Однако несмотря на относительно широкую известность, в его осмыслении имеется ряд серьезных концептуальных проблем. Одна из них — наличие когерентной традиции республиканской мысли. Для решения данной проблемы необходимо в первую очередь обратиться к богатому опыту концептуализации республиканизма, который и стал предметом предлагаемой статьи. Автор исследует содержание, вкладываемое современными республиканскими теоретиками в понятие «республиканизм», а также то, насколько их взгляды согласуются друг с другом. Отдельное внимание уделяется истории данного термина, который появился лишь в конце XVII в., а также вопросу соотношения терминов «республиканизм» и «неореспубликанизм». Подробно анализируется ряд региональных и синтетических подходов к пониманию республиканизма. Автор показывает, что современная республиканская теория неоднородна и противоречива. Представители различных подходов порой серьезно расходятся во взглядах на ключевые моменты ее концептуального содержания, что существенно осложняет выработку такого понимания республиканизма, которое позволило бы говорить о нем как об обладающем внутренним единством направлении политической мысли. В заключении на основании полученных данных также предпринята попытка обозначить пересекающиеся в рассмотренных подходах темы, которые могут стать отправной точкой для дальнейшего поиска в данной области.

Ключевые слова: республиканизм, республика, республиканская мысль, римский республиканизм, греческий республиканизм, классический республиканизм, свобода, недоминирование.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-252-276.

ВВЕДЕНИЕ

Итальянский политический теоретик М. Вироли однажды заметил, что, в отличие от естествознания, политическая наука развивается не путем изобретения новых теорий взамен старых, а путем переоткрытия и уточнения ранее забытых идей и тем (Viroli, 2002: 4). Одной из таких идей сравнительно недавно стал республиканизм. На сегодняшний день это одно из ведущих направлений исследований в политической теории и философии, что во многом стало следствием стремительного

*Степанов Михаил Антонович, аспирант, младший научный сотрудник, Институт философии РАН (Москва), mishadze@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-5220-0096.

**© Степанов, М. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

роста интереса академического сообщества к данному направлению политической мысли в последней трети XX в. «Республиканский поворот», как сейчас иногда называют обращение интеллектуалов того времени к республиканским идеям, стал возможен, с одной стороны, благодаря кризису социалистического проекта, в частности в Советском Союзе; с другой — по причине неприятия ими неоллиберализма за его стремление подчинить логике рынка многие сферы жизни общества (Недяк, 2018: 60). В республиканизме они видели новую альтернативу либеральной теории.

Эта идея обрела множество сторонников, но ничуть не меньше и противников. К примеру, сегодня о корректности противопоставления либерализма и республиканизма ведутся серьезные споры, участники которых высказывают порой диаметрально противоположные точки зрения. Однако мы не будем вдаваться в подробности данной темы в рамках настоящего исследования. Нас интересует иной, не менее важный вопрос. Несмотря на богатую историю и повышенное внимание научного сообщества, у республиканизма по-прежнему имеется ряд значимых концептуальных проблем. Одной из них является вопрос о наличии единой традиции республиканской мысли, о ее идейных основаниях. Возможно ли говорить о республиканизме как о последовательно-логическом политическом учении или он представляет собой совокупность идейно-ценностных систем, по какой-то причине объединенных одним названием? Что скрывается за термином «республиканизм»? Чем республиканизм отличается от неореспубликанизма, если различные авторы для именованя одних и тех же политических идей могут использовать оба этих термина (см., например: Lovett, 2006)? Нерешенность данной проблемы препятствует четкому концептуальному самоопределению республиканизма в общей совокупности политико-философского знания.

При этом констатация разнородности республиканской мысли, ставящая под сомнение ее целостность и последовательность, часто встречается в исследованиях по республиканизму (Петтит, Яковлев, 2016: 45; Хархордин, 2021: 46; Нопохан, 2003: 11–12), авторы которых редко обращаются к детальному рассмотрению существующих концепций, ограничиваясь лишь их кратким упоминанием и стремясь уделить больше внимания раскрытию собственного видения. В свою очередь, мы исходим из того, что коль скоро некоторое количество концептуальных систем объединено под одним названием, значит у них с необходимостью должен иметься определенный набор общих базовых элементов,

позволяющий говорить обо всей совокупности данных систем как об отдельном направлении мысли. В противном случае их невозможно было бы объединить в одну группу. Мы также полагаем, что выработка принципиально нового подхода к пониманию республиканизма сегодня — малоперспективное направление в работе над решением поставленной проблемы: еще один подход, добавленный к множеству уже существующих, вряд ли серьезно продвинет нас в поиске идейных оснований республиканизма. Напротив, первым шагом на этом пути должен стать комплексный анализ существующих подходов к его пониманию. По этой причине в данной работе мы хотели бы обратиться к опыту концептуализации республиканизма и попытаться разобраться в том, что различные авторы понимают под этим термином и насколько их видение согласуется друг с другом. Разумеется, в рамках небольшой статьи невозможно уделить достаточно внимания всем имеющимся подходам, поэтому мы рассмотрим в обобщенном виде лишь те из них, которые считаем основными.

ИСТОРИЯ ТЕРМИНА «РЕСПУБЛИКАНИЗМ»

Трудно однозначно сказать, когда был впервые употреблен термин «республиканизм». В английском языке это слово, как утверждает М. Бардуччи, появилось предположительно в последней трети XVII в. (Barducci, 2017: 74) в работе Г. Мора, который употребил его в одном ряду с возможными угрозами английской монархии (More, 1685: 22). Республиканизм рассматривался им (очевидно, под влиянием трагических событий Английской революции) как нечто несовместимое с монархией и противопоставлялся ей.

Во французском языке данный термин был известен как минимум с середины XVIII в. и, как все производные существительные от слова «республика», по семантическому содержанию относился к «государству, управляемому многими» (Monnier, 2002: 86). Во времена Французской революции он был актуализирован благодаря вышедшей в 1790 г. книге председателя якобинского клуба Ф. Робера «Республиканизм, адаптированный к Франции» (ibid.: 97), в которой автор отождествлял республиканизм и прямую демократию, обозначив их как правление всех, при котором граждане лично участвуют в создании законов (Robert, 1991: 87). Однако, признав невозможность установления данной формы правления в современной ему Франции, Робер выступил в поддержку представительной системы (ibid.: 88–89). Спустя пять лет

в схожем направлении (но критикуя классическую демократию) пошел И. Кант, употребив термин «республиканизм» в своем известном трактате «К вечному миру» и обозначив им «государственный принцип отделения исполнительной власти (правительства) от власти законодательной» (Кант, Ровбо, 2024: 170), необходимым условием воплощения которого является система представительства.

Термин «республиканизм» появился и получил распространение в период, когда доминирующее направление республиканской мысли находилось в процессе трансформации. Как отмечает ряд исследователей, в XVII–XVIII вв. классическое¹ античное представление о республике как «империи законов, а не людей» (Lovett & Pettit, 2009: 12) стало все больше уступать новому (Хархордин, 2021: 22–27; Viroli, 2002: 32–33). Согласно преобладавшей до конца XVIII в. в европейской политической мысли римской традиции, восходящей еще к Цицерону, республика рассматривалась как достояние народа, высшее благо, ради защиты и сохранения которого можно поступиться частными интересами, поскольку от общего благополучия зависел успех в частных делах (Штарк, Серов, 2009: 47). Республика — это образ жизни, сообщество свободных и равных в правовом отношении граждан, осуществляющих самоуправление согласно закону, в основу которого положено представление об общем благе. Верховенство права представлялось одним из ключевых принципов республиканского правления, обеспечивающим сохранность политической свободы. Противоположностью республики в этом отношении была деспотия, где правил не закон, а частные интересы правящих. Вместе с тем, хотя многие сторонники данной традиции высказывались в пользу так называемого смешанного правления, то есть сочетания нескольких классических типов государственного устройства в одном, вопрос институционального дизайна зачастую оставался второстепенным — республикой могла быть и демократия, и аристократия, и монархия при условии реализации принципа превосходства права над личной волей правителя.

¹Под классическим республиканизмом подразумевают чаще всего римскую и неоримскую традицию. Некоторые исследователи, в частности Э. Нельсон, как будет показано далее, выступают против выделения какой-либо из версий республиканизма в качестве классической, полагая это неуместным. Одним из аргументов в пользу классического статуса именно римского республиканизма может служить тот факт, что само словосочетание «*res publica*» появилось в Древнем Риме (Марей, 2021: 21).

Процесс изменения концептуального содержания республиканизма был обусловлен чередой революций в странах Европы и Северной Америки, становлением либерализма, вобравшего в себя ряд республиканских идей и по-своему интерпретировавшего их, а также расширением возможности политического участия для широких масс населения, ввиду чего стало затруднительным применение на практике античных республиканских принципов в условиях западных обществ того времени. Новое понимание республиканизма, окончательно утвердившееся после Французской революции, получило сегодня наименование нововременного или исключаящего (Хархордин, 2020: 19), поскольку отныне республика рассматривалась как противоположность монархии. Стало уделяться особое внимание институциональному дизайну, в частности, большое значение приобрели избирательное право, разделение властей и представительная система. Иными словами, республика получила то определение, которое используется сегодня в обыденном языке.

Разумеется, некоторые философы того времени, как, например, Кант, продолжали видеть в монархии одну из возможных форм республики, в чем сближались с ее ранним пониманием, но они уже делали основной акцент на вопросе государственного строительства с целью обеспечения свободы граждан, а не на абстрактных античных понятиях общего блага и достоинства народа (Хархордин, 2021: 106). Термин «республиканизм» появляется как обозначающий именно такое понимание республики. При этом слово было закреплено в словарях, например, во французском языке, только в 1835 г., пополнив словарь Французской академии, правда в существенно измененном значении — приверженность республиканским взглядам (Monnier, 2002: 86). Данное толкование республиканизма как набора определенных взглядов, разделяемых кем-либо, видится нам более удачным, чем простое перечисление характеристик республиканской формы правления, на что дополнительно указывают суффиксы «-ism» в английском слове «republicanism» и «-isme» во французском «républicanisme», использующиеся для образования существительных, обозначающих какие-либо доктрины, верования, учения и др.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ РЕСПУБЛИКАНИЗМА

Существующие подходы к пониманию республиканизма можно разделить на две группы: (1) региональные — в основе которых лежит римское или греческое представление о республике; (2) синтетические — стремящиеся объединить в рамках одного подхода оба региональных

прочтения республиканизма или вовсе выйти за рамки этой парадигмы в попытке сформулировать общую традицию данного направления политической мысли.

РИМСКИЙ ПОДХОД

Одним из первых в республиканизме был сформулирован римский подход, который остается на сегодняшний день самым известным и популярным. Эта точка зрения была предложена авторами, ответственными за возрождение интереса к республиканской теории в конце XX в. — Ф. Петтитом и К. Скиннером. Сторонники римского подхода полагают, что республиканская мысль берет свое начало в трудах Цицерона. Республика в их представлении — это разделяемая всеми гражданами «политическая система, в которой нет прямого личного правления одних людей над другими, а скорее существуют условия равного гражданства, регулируемые согласно принципу верховенства права» (Lovett & Pettit, 2009: 12).

Ключевым элементом римского подхода является особое понимание свободы. Республиканизм — это теория политической свободы, замечает Вирולי (Viroli, 2002: 4). Представители данного подхода настаивают на необходимости выхода за пределы дихотомии двух концепций свободы, представленных И. Берлином, и предлагают обратиться к пониманию свободы, которое в Новое время было вытеснено на периферию социально-политической мысли более индивидуалистическими концепциями (Скиннер, Моисеев, 2013: 167). Данное понимание свободы, которое они относят к разновидности негативной свободы (Lovett & Pettit, 2009: 12–13), обозначается как не-доминирование и является идейным наследием римского представления о свободе как отсутствии статуса раба, по причине чего его иногда также называют неоримским (Скиннер, Магун, 2006: 23). Оно заключается в том, что человека можно считать свободным, только если в отношении него отсутствует даже минимальная вероятность каких-либо насильственных действий, которые носили бы произвольный характер, то есть не были бы регламентированы ничем, кроме воли того, кто подобные действия совершает.

Республиканская свобода как не-доминирование противопоставляется другой разновидности негативной свободы — либеральной, обозначаемой

как не-вмешательство². С этой точки зрения свободным может считаться лишь тот, кто не испытывает по отношению к себе какого-либо принуждения посредством физического насильственного воздействия или угрозы применения такого воздействия (Скиннер, Магун, 2006: 75–77). Либеральная концепция, по мнению приверженцев римского подхода, в недостаточной степени гарантирует свободу индивида, оставляя широкое пространство для его притеснения, поскольку совершенно необязательно, что человек является свободным, если в его жизнь никто не вмешивается. Данный тезис Ф. Петтит и Ф. Ловетт подкрепляют примером об отношениях раба и господина: если рабовладелец по тем или иным причинам не желает применять насилие и принуждать к чему-либо своих рабов, то с точки зрения не-вмешательства их можно считать свободными, поскольку они предоставлены сами себе и в их действия никто не вмешивается; но с точки зрения республиканской свободы они по-прежнему остаются несвободными, поскольку у их хозяина сохраняется возможность принудить рабов к чему-либо в любое время, когда ему будет угодно (Lovett & Pettit, 2009: 14). Республиканская свобода оказывается предпочтительнее либеральной, так как она исключает элемент произвола, неограниченного волюнтаризма из отношений между индивидами, оставляя только такое вмешательство, которое признается всеми гражданами, то есть закон. Последний является источником и одновременно одной из гарантий сохранения свободы. Ограничения, накладываемые им на свободу действий граждан, призваны защитить их от потенциально большего вмешательства (Петтит, Яковлев, 2016: 82).

Другой гарантией свободы выступает гражданское самоуправление или политическое участие. С точки зрения римского республиканизма индивидуальная свобода невозможна без свободы коллективной. Как только сообщество «теряет способность действовать в соответствии с общей волей» (Скиннер, Моисеев, 2013: 179) и становится объектом воли кого-либо, оно попадает в зависимость, а граждане теряют способность распоряжаться собой по собственному усмотрению. Граждане должны обладать способностью и быть готовыми принимать участие в общем деле, служить общему благу, понимаемому как свободная и независимая жизнь (Virolì, 2002: 54). При этом участие не предполагает растворение индивидуального в общественном, но побуждает искать баланс между

²Помимо данных наименований республиканской и либеральной концепций свободы, в литературе можно также встретить соответствующие названия «свобода гражданина» и «свобода слуг» (Вироли, Кушнарева, 2014: 7).

этими двумя началами для достижения общего блага. Однако при всей важности участия оно не является абсолютной ценностью в рамках римского республиканизма, оставаясь лишь средством «продвижения свободы как не-доминирования» (Петтит, Яковлев, 2016: 42). Право в этом отношении имеет определенно бóльшую значимость, поскольку создает сами условия для существования такой свободы.

Вместе с тем данный подход не лишен слабых мест. Первое, отчасти признаваемое некоторыми его авторами, заключается в том, что он представляет собой одну из возможных версий республиканизма и поэтому не может претендовать на некое его целостное понимание. Так, Петтит в монографии «Республиканизм. Теория свободы и государственного правления», которую во многом можно считать основополагающей для современной республиканской теории, высказал скромное сомнение в том, что республиканизм возможно назвать некой традицией политической мысли, так как он «не является достаточно последовательной и связной концепцией, чтобы его можно было трактовать таким образом» (там же: 45), и потому говорил, что развивает лишь его версию (там же: 178). Другой версией является греческий республиканизм. Петтит признаёт существование греческой альтернативы³, но он вынужден это сделать, чтобы тем самым оградить себя от возможной критики за игнорирование противоположной традиции. Он относится к ней несколько свысока, не считает ее аутентичной, полагая, что ее «авторитет как „республиканской“ политической доктрины сомнителен» (Lovett & Pettit, 2009: 12).

Вторым проблемным местом римского подхода является его, если можно так выразится, историческая дискретность. Сперва необходимо отметить, что республиканизм, к какой бы традиции для его толкования мы не обращались, не имеет целостной непрерывной истории. Общим местом для его исследователей является то, что после падения Римской республики и на протяжении всего христианского Средневековья он находился в некотором «анабиозе», вновь получив популярность лишь в эпоху Возрождения⁴ (Одье, Рындин, 2021: 25; Петтит, Яковлев,

³ Не все сторонники римской традиции следуют примеру Петтита. Например, Вироли выступает против любых попыток интерпретации республиканизма как интеллектуальной традиции, восходящей к греческим авторам, называя это «грубой исторической ошибкой» (Viroli, 1995: 170–171).

⁴ Тем временем Вироли предлагает отсчитывать историю республиканской мысли не с античности, а сразу с эпохи Возрождения. Отдавая дань уважения античным авторам, заложившим основы республиканской теории (Вироли, Кушнарёва, 2014: 18; Viroli,

2016: 57; Скиннер, Моисеев, 2013: 167; Хархордин, 2021: 47; Honohan, 2003: 42; Nelson, 2004: 17). Таким образом, историю республиканизма можно условно разделить на два этапа — античный и постантический. И если граница между данными этапами серьезных споров не вызывает, то вопрос развития республиканизма в постантический период выглядит уже не столь однозначно. Сторонники римского подхода полагают, что в XVII–XVIII вв. республиканизм начал постепенно вытесняться вышедшим на историческую сцену либерализмом, до тех пор пока последний окончательно не отодвинул его на задний план. Его основа — концепция свободы как не-доминирования — уступила место либеральной концепции свободы как не-вмешательства, и в результате либерализм полностью затмил республиканизм (Скиннер, Магун, 2006: 84, 94; Скиннер, Моисеев, 2013: 167) или даже, по выражению Петтита, узурпировал его (Петтит, Яковлев, 2016: 106). Последний, по их мнению, впал в немилость, исчез (Скиннер, Магун, 2006: 84), был забыт не только политическими мыслителями и деятелями, но и историками политической мысли (Петтит, Яковлев, 2016: 106), что по сути означает для них его «смерть». Обращает на себя внимание, что если реактуализация республиканизма в эпоху Возрождения после его забвения в Средние века рассматривается как перепрочтение или переоткрытие, то в Новое время снижение интереса к нему оценивается в терминах затмения и узурпации. В этих условиях, спустя более чем полтора века, неоримские авторы претендовали на звание «воскресителей» республиканизма. Однако встает вопрос о корректности такого представления о нем.

Фактически представители римского подхода делят постантический этап на две части: (1) от эпохи Возрождения до революций XVIII в.; (2) со второй половины XX в. до наших дней — период, уже непосредственно связанный с их именами. Тем самым остается большой пробел в истории развития республиканской теории. Но насколько верна данная точка

2002: 48), он утверждает, что республиканизм в том виде, в котором мы его знаем, зародился в Италии в XIV – начале XVI в. «Именно свободные республики Италии [...] стали свидетелями зарождения того „классического республиканизма“, который послужил источником многих республиканских теорий и политических движений, процветавших в последующие столетия» (Viroli, 2002: 21). Главным аргументом в пользу такого видения истории республиканской мысли является то, что, в отличие от античных государств, в основе социальной и экономической жизни итальянских республик не находился институт рабства, им удалось сочетать индивидуальную свободу со стремлением к богатству, интеллектуальной и художественной жизнью, их можно рассматривать как «базовый опыт современной свободы» (ibid.: 25) и организации самоуправления.

зрения? Одному из представителей группы синтетических подходов, С. Ожье, например, как будет показано, удается включить в республиканский «канон» множество политических концепций XIX–XX вв. В этом случае правильнее было бы задать вопрос несколько иначе: насколько справедливо утверждать, что республиканская мысль в XIX – первой половине XX в. была забыта и не развивалась? Это верно, если принять во внимание замечание самого Петтита о том, что он полагает «правильный» республиканизм особым образом, отличным от того, как, возможно, его могут понимать сегодня, в том числе под влиянием Х. Арндт (Петтит, Яковлев, 2016: 41–42). Считая конституирующим элементом республиканской теории идею свободы как не-доминирования, данные авторы сознательно отсекают те политические концепции, которые при определенных условиях могут быть рассмотрены как республиканские, утверждая тем самым римский подход в качестве единственно верного. Это замечание справедливо не только для данного подхода, но также и для греческого, обнажая методологическую полярность между региональными подходами, с одной стороны, и синтетическими — с другой. Но если это так, то мы вновь приходим к невозможности составить целостное представление о республиканизме при таком его понимании.

ГРЕЧЕСКИЙ ПОДХОД

Одним из первых греческий подход к пониманию республиканизма сформулировал и предложил Э. Нельсон в монографии «Греческая традиция в республиканской мысли». Согласно его точке зрения, республиканская мысль берет свое начало в трудах Платона и Аристотеля. При этом необходимо отметить, что ни Платон, ни Аристотель не знали слова «республика». В греческом языке не было слов или выражений, которые можно было бы считать полным эквивалентом латинского «*res publica*». Более или менее подходящим в данном контексте может считаться слово «*to koinon*» — «сообщество» или словосочетание «*to koinon agathon*» — «общее благо» (Ожье, Рындин, 2021: 15). По этой причине возможность рассмотрения идущей от Платона традиции греческой политической философии как республиканской подвергается сомнению. Установление связи Платона с римским опытом размышления о *res publica* и, соответственно, причисление его к республиканским мыслителям произошло благодаря вольному переводу Цицероном названия диалога «Государство» с греческого языка на латинский в работе «О законах» (Nelson, 2004: 1). Оформление греческой республиканской традиции, таким образом, можно рассматривать как сопутствующее

следствие действий Цицерона, что ставит ее в зависимое положение по отношению к римской республиканской мысли. Когда мы говорим о греческом республиканизме, необходимо иметь в виду, что речь идет не столько о самих греческих мыслителях, сколько о республиканских авторах, осуществивших рецепцию их взглядов и предложивших подход, отличный от римского (Nelson, 2004: 16).

Сторонники греческого подхода, как и римского, уделяют большое внимание проблеме свободы. Признается важность свободы как независимости, то есть отсутствия статуса раба, но она не используется как аргумент против политической зависимости, доминирования. Напротив, такого рода зависимость является допустимой, поскольку править государством следует тем, кто предназначен к этому по своей природе, подобно тому как разумная часть души должна управлять вожделеющей (*ibid.*). Куда важнее иная свобода, понимаемая как жизнь в согласии с природным порядком вещей, под управлением своего разума и моральных качеств (*ibid.*: 24). Человек, неспособный одолеть свои аффекты, не может считаться свободным.

Натуралистический императив определяет цель существования государства, которая заключается в достижении максимально возможного счастья всех людей. Счастливая жизнь — это жизнь по законам природы, созерцание высших сущностей в стремлении к достижению вершины человеческого духа. Такая жизнь возможна только в государстве, которое в лице наиболее достойных помогает человеку преодолеть его невежество. Будучи непосредственно вовлеченным в общественную жизнь, находясь под властью закона и права, человек может добиться самореализации как природной завершенности (*ibid.*: 10–15).

Греческий подход был предложен Нельсоном из-за неприятия им подходов, претендующих на открытие «классического республианизма». Он соглашается с тем, что «если республиканизм является „классическим“ в каком-либо значимом смысле, то он должен представлять собой когерентное греко-римское наследие» (*ibid.*: 2), но обнаружение такого наследия видится ему маловероятным ввиду того, что греческая и римская традиции политической мысли существенно разнятся (*ibid.*: 4). Мы могли бы говорить о классическом римском республиканизме или классическом греческом, но употребление понятия «классический» в отношении республиканизма в целом вызывает здесь вполне оправданные сомнения.

Критика Нельсона направлена в первую очередь на Дж. Г. А. Покока, который в своей известной работе «Момент Макиавелли: Политическая

мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция» попытался обнаружить общее греко-романское основание республиканизма. Он утверждает, что существует единая традиция республиканской мысли, берущая свое начало у Аристотеля и Полибия, проходящая через эпоху Возрождения, английских революционных мыслителей вплоть до американского Просвещения (Покок, Пируская, 2020: 28–31). В ее основе лежит аристотелевское понимание природы человека как *homo politicus*, идея гражданской добродетели и смешанного правления, а также получивший развитие в период Ренессанса гражданский гуманизм. Последний требует от человека деятельного погружения в общественную жизнь, ведь «только как гражданин, как политическое существо, вместе со своими согражданами участвуя в гражданской жизни, он может достичь полноты своей природы и добродетели» (там же: 175). Однако Нельсон не принимает выводов Покока, отмечая, в частности, что утверждения о том, что авторы чинквеченто опирались на аристотелевскую политическую телеологию или что римская политическая философия является прямым ответвлением аристотелевско-полибианского синтеза, не выглядят вполне убедительными (Nelson, 2004: 3–4). В данном споре он выступает в роли защитника самобытности римского республиканизма, демонстрируя его существенное отличие от греческого.

Подход Покока содержательно напоминает греческий подход, сформулированный Нельсоном, ввиду чего его следовало бы отнести к данной подгруппе. Покок придает решающее значение гражданскому гуманизму как идейному продолжению политического аристотелианства в попытке выстроить единую линию развития республиканизма, и это приводит к игнорированию теоретических построений мыслителей различных эпох, выявленных, например, представителями римского подхода, и затем к поспешному их встраиванию в «классический» республиканский континуум (Одье, Рындин, 2021: 118), что при более детальном рассмотрении может поставить под сомнение само его существование. Кроме того, гражданский гуманизм увязывает самореализацию человека и достижение им счастья с прямым участием в общественной жизни, что, например, нехарактерно для римской традиции, также высоко оценивающей важность гражданского участия, но с опаской относящейся к прямому гражданскому действию, способному привести к тирании большинства (Петтит, Яковлев, 2016: 42).

На примере теоретических построений Нельсона и Покока можно заметить, что греческий республиканизм, в отличие от римского, менее гомогенен в концептуальном отношении, но в целом хорошо видна его

коммунитаристская направленность с явным акцентом на значимости позитивной свободы. Кроме того, если про Покока такого сказать не представляется возможным, то подход Нельсона подчеркнуто не претендует на универсальность, как это делает римский республиканизм. Напротив, Нельсон формулирует свое видение в противовес одномерно понимаемому республиканизму, сглаживающему некоторые значимые углы, будь то римский подход Скиннера, Петтита и Вироли или «классический республиканизм» Покока, сводящий Цицерона к Аристотелю; он подчеркивает принципиальную разницу между римским и греческим республиканизмом и невозможность приведения одного к другому. Однако именно в этом греческий подход, при всей его гетерогенности, сталкивается с той же проблемой, что и римский: будучи лишь одной из версий, причем, на первый взгляд, решительно отличающейся от другой, он не позволяет составить целостное представление о республиканизме как о самобытном направлении политической мысли. Вместе с тем греческий республиканизм сталкивается с недостатком легитимности из-за возможной ошибки Цицерона. В этом смысле римский подход представляется имеющим более твердое онтологическое основание, а потому более убедительным.

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ РЕСПУБЛИКАНИЗМА

ПОДХОД С. ОДЬЕ

Французский философ Одье в книге «Теории республики» предложил весьма оригинальный подход к пониманию республиканизма, попытавшись выйти за рамки регионального разделения и нащупать общий для всех республиканских теорий элемент. Главной отличительной чертой республиканизма он назвал стремление к общему благу или всеобщему интересу (Одье, Рындин, 2021: 13–14). Благодаря столь широкой трактовке, охватывающей большое количество разных политических теорий, которые содержат в себе в том или ином виде представление о благе всех людей, Одье удастся включить в поле исследования истории республиканской теории множество политических концепций XIX–XX вв., ранее не рассматривавшихся в данном контексте, как, например, солидаризм Л. Буржуа, социализм П. Леру и Ж. Жореса, демократический республиканизм П. Мендес-Франса и др. (там же: 76–110). Вместе с тем именно из-за своей широты и абстрактности ключевого элемента данная трактовка не дает сколь-либо конкретного представления о рассматриваемом

направлении политической мысли. Более того, она создает опасность «вчитать» республиканизм туда, где его могло никогда не быть.

Тем не менее эта трактовка, по нашему мнению, точна в генеалогическом плане — она особо подчеркивает историческое значение республиканизма, если принять во внимание, что многие популярные политические концепции XIX–XX вв. уходят в него корнями. Данную точку зрения разделяют и сторонники других подходов. К примеру, Вироли отмечает, что либерализм можно рассматривать как «обедненный или непоследовательный республиканизм» (Viroli, 2002: 61). Последний, таким образом, приобретает статус «зонтичного» понятия. Данный подход позволяет выйти за пределы парадигмы так называемых Великих идеологий. И в таком случае следовало бы считать некорректными утверждения о том, что актуализированный в конце XX в. Кембриджской школой республиканизм стремится наполнить либеральным идеологическим содержанием существующие идейно-теоретические основы республиканской теории (Иванова, 2023: 109) или что он является идеальной версией либерализма (Глухов, 2018: 258), поскольку республиканизм в таком случае, как обобщающее понятие, не может являться более совершенной версией обобщаемых понятий, равно как и быть наполненным содержанием одного из них.

ПОДХОД LVCH

Попытку объединить греческую и римскую республиканскую мысль предприняла И. Хонохан в работе «Гражданский республиканизм». Она утверждает, что существует единая греко-романская традиция республиканизма, уходящая корнями в труды Аристотеля и Цицерона. «Республиканизм — это особая разновидность коммунитаризма, которая ценит гражданство — принадлежность к политическому сообществу» (Hoohan, 2003: 8). Данная традиция, которую Хонохан называет классическим республиканизмом, была окончательно сформирована в позднем Средневековье и процветала вплоть до конца XVIII в., когда была вытеснена либерализмом, социализмом и национализмом, после чего вновь обрела популярность в середине XX в. (ibid.: 5).

Содержание классического республиканизма составляют четыре элемента: (1) свобода, понимаемая как независимость от внешнего вмешательства и внутренней тирании, гарантируемая верховенством закона и смешанной формой правления; (2) гражданская добродетель — приверженность граждан общему благу, осознание ими ценности и значимости совместной жизни, готовность в случае необходимости поставить общее

благо выше частных интересов; (3) активное участие в общественной жизни, подразумевающее не только гражданскую, но и военную службу, исполнение обязанностей гражданина; (4) общественное одобрение или почет как награда за проявляемые добродетели, с целью культивирования последних (Honohan, 2003: 5–6, 73). Для Хонохан «республика — это особое сообщество граждан, связанных прочными узами и чувством лояльности, что больше похоже на братство или дружбу, чем на соглашение об институтах и процедурах» (ibid.: 6).

Аббревиатура LVCH была предложена О. В. Хархординим в небольшой брошюре «Республика, или Дело публики», в которой он продолжил линию рассуждений Хонохан. Каждая буква аббревиатуры обозначает один из элементов классического республиканизма: L — свобода (*libertas*); V — добродетель (*virtus*); C — участие в гражданской жизни (*commune bonum*); H — стремление к признанию заслуг и уважению сообщества (*honestas*) (Хархордин, 2020: 41).

Особенность синтетического подхода Хонохан в том, что она допускает существование сразу двух оснований республиканской мысли, не стремясь, подобно Пококу, объединить их в одно. Данные основания — греческое и римское — существуют параллельно друг другу, сходясь в одних вопросах и расходясь в других. Хонохан в целом признаёт серьезные различия между философскими системами Аристотеля и Цицерона, однако в стремлении обнаружить объединяющие их элементы, позволяющие говорить хоть и о двуединой, но все же целостной республиканской традиции, она порой жертвует некоторыми из этих различий. Так, например, по ее мнению, Аристотель и Цицерон сходятся в представлениях о свободе, определяя ее как наличие правового статуса свободного гражданина, то есть того, кто не подвержен произвольному вмешательству (Honohan, 2003: 39). Между тем, как было показано, подобное понимание свободы больше характерно для римского республиканизма, чем для греческого. Последний признаёт значимость такой свободы, но выше ставит свободу как жизнь в согласии с природой.

Оба античных философа представляются Хонохан скорее предтечами республиканизма, чем собственно республиканскими мыслителями. Причем Цицерону она отводит главенствующую роль в подготовке фундамента будущего республиканского учения (ibid.: 40). Подобный ход позволил Хонохан провести действительный синтез греческого и римского республиканского наследия: отказавшись отсчитывать историю республиканизма с античности, она преодолевает антагонизм региональных подходов, отказываясь называть их основателей республиканцами

и тем самым лишая этот спор основания. Взяв в качестве отправной точки поздние Средние века, она продемонстрировала, что первые республиканские авторы опирались в той или иной степени как на римскую, так и на греческую традицию, таким образом, объединив их в новой политической теории.

Однако интересно, что подход Хонохан в целом тяготеет больше к римскому пониманию республиканизма, что мы можем наблюдать на примере ее трактовки свободы. Помимо этого, в пользу романской ориентации свидетельствует взгляд Хонохан на историю республиканской мысли. Согласно ее представлению, республиканизм утратил свой авторитет после Французской революции и уступил место ведущего направления политической мысли другим идейно-ценностным системам, в частности либерализму, социализму и национализму, которые заимствовали часть его положений (Hoноhan, 2003: 114–119). Интерес к нему возродился лишь во второй половине XX в. под влиянием опыта «правого и левого тоталитаризма» (ibid.: 111), а также благодаря трудам Х. Арендт и Ч. Тейлора. Таким образом, для Хонохан, как и для представителей римского подхода, XIX – первая половина XX в. — это период кризиса республиканизма. Однако, в отличие от Скиннера и Петтита, она не столь категорично оценивает данный период его истории, указывая на то, что упадок идеи республики не означал ее «смерти», но лишь маргинализацию в связи с трагическими последствиями революционного террора, организаторы которого опирались на идеи республиканских мыслителей (ibid.: 113–114). В интерпретации Хонохан республиканизм не исчез в XIX в., как полагают некоторые представители римского подхода, а отошел на задний план интеллектуальной истории. Отдельные элементы республиканизма продолжили существовать в качестве дополнения к пришедшим ему на смену концепциям.

В весьма любопытном направлении мысль Хонохан попытался развить Хархордин. В истории республиканизма он выделил классическое античное понимание республики — отождествив его, однако, лишь с римской традицией, хотя при этом, подобно Петтиту, сделал оговорку, допустив существование различных толкований республиканизма (Хархордин, 2021: 46) — и теории республики Нового времени (там же: 28–29). Полагая римскую версию республиканизма наиболее аутентичной, он также раздробил постантичный период его истории на два этапа, отметив в качестве главных поворотных моментов Американскую и Французскую революции, после которых классический республиканизм уступил место современному. Однако в то же время он не стал утверждать,

подобно Скиннеру и Петтиту, что республиканизм был забыт, исчез или узурпирован либерализмом. Вместо этого он пишет, что вследствие социально-политических потрясений XVIII в. республиканизм трансформировался вслед за обществом того времени. Эмансипация масс и следующая из этого необходимость придать общественной дискуссии более цивилизованный вид, профессионализация политики и военного дела, а также другие факторы способствовали тому, что сформировался «неклассический, современный республиканизм Нового времени» (Хархордин, 2021: 102)⁵. Отныне основной акцент в республиканской мысли делался на разделении властей и представительных институтах, призванных гарантировать сохранение свободы, выборах — как наиболее доступной форме участия в общем деле в новых условиях — и правах человека, служащих преградой для вмешательства государства в частную жизнь индивида. Но при этом пришлось отказаться от античного идеала гражданской добродетели, как недостижимого, и стремления к признанию за поступки, совершаемые во имя общего блага (там же: 102–105). В немалой степени, по мнению Хархордина, укоренению такого понимания республиканизма способствовал Кант, давший ему приведенное выше определение в трактате «К вечному миру», обеспечив ему философское признание, но тем самым погубив «саму память о классическом республиканизме, который еще жил в работах Руссо за тридцать лет до этого» (там же: 106).

Несмотря на то что в конце концов Хархордин, вслед за Хонохан и представителями римского подхода, заявил, что XIX век был ознаменован господством либерализма, в то время как республиканская концепция свободы как не-рабства, не-доминирования была отправлена на свалку истории (там же: 109), то есть по сути прекратила свое существование, предложенное им понимание нововременного республиканизма имеет значительный эвристический потенциал. Во-первых, оно отражает историческую трансформацию республиканизма, который, несмотря на смещение некоторых акцентов, продолжил оставаться актуальным политическим учением. Точно так же, как в случае с расширительным подходом Одье и отчасти подходом Хонохан, нововременная концепция позволяет заделать «дыру» в истории республиканизма, проделанную

⁵В схожем направлении пошел Вироли, утверждая, что во время Французской революции на смену классическому республиканизму пришел якобинский республиканизм, «прославляющий примат политической воли, социальную и политическую сплоченность и террор» (Viroli, 2002: 33). Несмотря на его разительные отличия от римской традиции, он тем не менее продолжал оставаться республиканизмом.

сторонниками римской традиции, демонстрируя, что республиканская мысль продолжила свое развитие, пускай и в иных формах. Правда, в таком случае теряется «магия воскрешения» республиканизма Кембриджской школой во второй половине XX в. и пионерский статус ее представителей в этой области.

Во-вторых, данная концепция подчеркивает более прочную генеалогическую связь республиканизма с либерализмом: республиканизм в данном случае стал почвой, на которой вырос либерализм, не «умерщвляется» или «узурпируется» им, а сосуществует с ним или даже дополняет его, образуя либерально-республиканский синтез. Однако, несмотря на это, подход Хархордина остается романоцентричным, по причине чего концепция нововременного республиканизма выглядит скорее как попытка более мягко, чем Скиннер или Петтит, обозначить и нейтрализовать то, что римским, а следовательно, аутентичным, «правильным», республиканизмом не является, а потому не является им вовсе, в связи с чем обнаруживаются схожие проблемы, что и у римского подхода.

РЕСПУБЛИКАНИЗМ И НЕОРЕСПУБЛИКАНИЗМ

Помимо термина «республиканизм», в литературе можно часто встретить термин «неореспубликанизм», так что кажется необходимым уделить внимание и ему, попытавшись прояснить его значение.

Как правило, под неореспубликанизмом подразумевают совокупность теорий, предложенных рядом политических мыслителей XX в. с целью переоткрытия республиканизма в качестве средства, способного ответить на социально-политические вызовы того времени (Одье, Рындин, 2021: 115; Le Goff & Anctil, 2009: 16). Их последователи в XXI в. также иногда могут именоваться неореспубликанцами: как отмечают Петтит и Ловетт, термином «неореспубликанизм» обозначают попытки современных исследователей пересмотреть и адаптировать классическую (то есть римскую) республиканскую традицию для разработки привлекательной философии, предназначенной для современных целей (Lovett & Pettit, 2009: 12). При этом употребление данного термина не является общепринятым. Сегодня мы можем также часто встретить примеры, когда современные теоретики республиканизма обозначаются другими исследователями как просто «республиканцы», причем как в российской, так и в иностранной литературе (Павлов, 2018; Gloukhov, 2016; Langlois, 2007). Более того, сами представители этого направления политической мысли могут порой использовать в отношении него оба термина. В частности, Петтит в своей книге, упомянутой ранее, пишет

о республиканизме, а в совместной с Ловеттом статье — о неореспубликанизме, подразумевая под этими двумя терминами в целом одно и то же. Использование термина «неореспубликанизм» скорее представляет собой попытку отделить современную республиканскую мысль от республиканизма прошлого при помощи «зонтичного» понятия для более удобной ориентации в материале (как, например, это делают Одье и О. Десмон (Одье, Рындин, 2021: 115; Desmons, 2019: 99)), чем стремление дать имя конкретной теории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ опыта концептуализации республиканизма продемонстрировал неоднородность и даже некоторую противоречивость существующих подходов к его пониманию. Их авторы порой серьезно расходятся во мнениях по ключевым вопросам концептуального содержания республиканской теории, что особенно заметно на примере региональных подходов. Так, сторонники римского республиканизма отводят первостепенное значение негативной свободе в форме не-доминирования, обеспечиваемой властью закона и участием граждан в политической жизни, в то время как представители греческого республиканизма подчеркивают необходимость стремления человека к счастливой жизни, заключающейся в реализации им своей природы через моральное совершенствование в процессе участия в делах сообщества. При этом сами авторы этих подходов, как может показаться, не оставляют друг другу шансов на сближение: Петтит скептически относится к республиканскому характеру греческого подхода, тогда как Вирولي вовсе отказывает ему в праве на существование, а Нельсон, в свою очередь, проводя жесткую границу между римским и греческим республиканизмом, ставит под сомнение вопрос о сущности республиканской теории, считая, что он не имеет смысла. Он поясняет, что если республиканизм воспринимать как традицию, берущую республику в качестве конституирующего элемента политической жизни, то разновидностей данного учения будет столько же, сколько существует трактовок понятия «республика». Возможно, что больше у всех этих «республиканизмов» нет элементов, объединяющих их в одну последовательно-логическую традицию, есть некоторые сходства и взаимосвязи, но не более того (Nelson, 2004: 17–18).

Между тем пространство для такого сближения, по-видимому, все же есть. На это указывают некоторые авторы синтетических подходов. Например, Хархордин называет странной попытку Нельсона рассматривать греков полисного периода исходя лишь из трудов Платона

и Аристотеля, ставящих созерцательную жизнь выше практической политической жизни (Хархордин, 2021: 40–41). В качестве контрпримера он приводит опыт историков, изучающих реальную полисную жизнь, а не теоретические построения философов, которые могли бы усомниться в корректности противопоставления двух подходов. Напротив, Одье полагает, что представители римского подхода серьезно недооценивают вклад аристотелизма в становление республиканской мысли (Одье, Рындин, 2021: 156).

Синтетические подходы могли бы преодолеть противоречия региональных. И они действительно закрывают некоторые лакуны последних, в частности, лучше раскрывают процесс исторического развития республиканизма в постантический период, предлагают возможность объединения греческого и римского начал. Однако они оказываются не лишены собственных проблем: подход Одье, строящийся вокруг идеи общего блага или всеобщего интереса, представляется чрезмерно объемным, из-за чего не получается ухватить содержание республиканизма, подход LVCH при всех его очевидных достоинствах испытывает сильное влияние римского, сглаживая в пользу последнего ряд особенностей греческого подхода, как в случае с Хонохан, или вовсе отдавая ему приоритет в случае Хархордина.

Наконец, значительное расхождение взглядов в рамках республиканизма — не только между подходами, но и внутри отдельных подходов — не позволяет прийти к единству мнений по такому базовому вопросу, как определение точки отсчета его истории: в зависимости от позиции автора, это может быть (1) античность, (2) позднее Средневековье и Ренессанс, (3) вторая половина XX в.

Сегодня республиканизм по-прежнему нуждается в концептуальном самоопределении. Иначе будет невозможно четко маркировать его среди других идейно-ценностных систем. Мы сможем говорить о «республиканизмах», подразумевая под каждым из них конкретный подход, но не о республиканизме в целом. Разумеется, как и многие другие, если не все идейно-ценностные системы, республиканизм не может не иметь множества прочтений, однако мы полагаем возможным выявить общие базовые элементы данных трактовок, позволяющие говорить, пусть и на высоком уровне абстракции, о республиканизме как о сколько-нибудь целостном, самостоятельном направлении политической мысли. Совокупность рассмотренных подходов к пониманию республиканизма позволяет на данном этапе широкими мазками обозначить некоторые общие темы, которые могут стать отправной точкой для дальнейшего

поиска в этой области: (1) общее благо, обретение которого — главная цель социального организма; (2) ценность гражданства или принадлежности к сообществу, при поддержке которого возможно благополучие человека; (3) гражданское участие, цель которого — сохранение и приумножение индивидуального и коллективного блага; (4) свобода, понимаемая как отсутствие внутренней и внешней зависимости; (5) верховенство права, обеспечивающее функционирование государства и гарантирующее свободу граждан. Данный перечень отнюдь не является исчерпывающим, мы допускаем, что какие-то элементы могут быть в него добавлены, какие-то, напротив, исключены или их содержание будет скорректировано.

ЛИТЕРАТУРА

- Вироли М.* Свобода слуг / пер. с итал. И. Кушнаревой. — М. : ВШЭ, 2014.
- Глухов А. А.* Республиканизм : исправление «кривой тесины» // Логос. — 2018. — Т. 28, № 2. — С. 248–268.
- Иванова М. И.* Концепция элит в политической философии республиканизма : дис. ... канд. полит. наук : 5.5.1 / Иванова М. И. — М. : МГИМО(У) МИД РФ, 2023.
- Кант И.* К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта / пер. с нем. М. В. Ровбо // Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии. В 3 т. Т. 2 / под ред. В. А. Чалого. — Калининград : БФУ им. И. Канта, 2024. — С. 159–211.
- Марей А. В.* Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли : от Древнего Рима до XVII в. // *Res Publica* : Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в. / под ред. К. А. Соловьева. — М. : Новое литературное обозрение, 2021. — С. 19–75.
- Недяк И. Л.* Определение политического через свободу от произвола : абрис гражданственности в неоклассическом республиканизме // Политическая наука. — 2018. — № 2. — С. 53–72.
- Одые С.* Теории республики / пер. с фр. С. Б. Рындина. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2021.
- Павлов А. В.* Приключения метода : Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. — 2018. — Т. 28, № 4. — С. 255–295.
- Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева ; предисл. А. Павлова. — М. : Институт Гайдара, 2016.
- Пожок Д. Г. А.* Момент Макиавелли : политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. с англ. Т. Пирусской. — М. : Новое литературное обозрение, 2020.

- Скиннер К.* Свобода до либерализма / пер. с англ. А. В. Магуна. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006.
- Скиннер К.* Идея негативной свободы : философские и исторические перспективы / пер. с англ. С. Моисеева // Логос. — 2013. — Т. 23, № 2. — С. 155–186.
- Хархордин О. В.* Республика, или Дело публики. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020.
- Хархордин О. В.* Республика. Полная версия. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2021.
- Штарк Р.* Res publica / пер. В. В. Серова // Res publica: История понятия. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — С. 7–66.
- Barducci M.* Hugo Grotius and the Century of Revolution, 1613–1718 : Transnational Reception in English Political Thought. — Oxford : Oxford University Press, 2017.
- Desmons O.* Le républicanisme, une solution de rechange au libéralisme politique? // Philosophiques. — 2019. — Т. 46, n° 1. — P. 95–118.
- Gloukhov A. A.* Non-Priority of the Freedom Principles : Non-Frustration, Non-Interference, Non-Domination // Review of Contemporary Philosophy. — 2016. — Vol. 15, no. 1. — P. 108–131.
- Honohan I.* Civic Republicanism. — London, New York : Routledge, 2003.
- Langlois A. J.* Republicanism and Liberalism // Politics. — 2007. — Vol. 27, no. 2. — P. 76–82.
- Le Goff A., Anctil D.* Le néo-républicanisme : état des lieux et présentation du dossier // Les ateliers de l'éthique. — 2009. — Т. 4, n° 2. — P. 16–24.
- Lovett F.* Republicanism / The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — 2006. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/republicanism/> (visited on June 19, 2024).
- Lovett F., Pettit P.* Neorepublicanism : A Normative and Institutional Research Program // Annual Review of Political Science. — 2009. — Vol. 12. — P. 11–29.
- Monnier R.* Républicanisme, libéralisme et Révolution française // Actuel Marx. — 2002. — N° 32. — P. 83–108.
- More H.* Some Cursory Reflexions Impartially Made Upon Mr. Richard Baxter His Way of Writing Notes on the Apocalypse, and Upon His Advertisement and Postscript By Phililicrines Parrhesiastes. — London : Printed for Walter Kettily at the Bishop's-Head in St. Paul's Church-yard, 1685.
- Nelson E.* The Greek Tradition in Republican Thought. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Robert F.* Le républicanisme adapté à la France. — Paris : Edhis, 1991.
- Viroli M.* For Love of Country. An Essay on Patriotism and Nationalism. — Oxford : Clarendon Press, 1995.
- Viroli M.* Republicanism. — New York : Hill & Wang, 2002.

Stepanov, M. A. 2025. "Respublikanizm: opyt kontseptualizatsii [Republicanism: The Practice of Conceptualization]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 9 (3), 252–276.

МИХАИЛ СТЕПАНОВ

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

JUNIOR RESEARCH FELLOW

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-5220-0096

REPUBLICANISM: THE PRACTICE OF CONCEPTUALIZATION

Submitted: June 19, 2024. Reviewed: May 20, 2025. Accepted: July 23, 2025.

Abstract: After the revival of republicanism in the second half of the 20th century by representatives of the Cambridge School of political thought, it continues to be one of the most sought-after areas in modern political philosophy. However, despite its relatively wide popularity, there are a number of serious conceptual problems in its understanding. One of them is the existence of a coherent tradition of republican thought. To solve this problem, it is necessary first of all to turn to the rich experience of conceptualizing republicanism, which became the subject of the proposed article. The author examines the meaning put by modern republican theorists into the concept of "republicanism", as well as how their views are consistent with each other. Special attention is paid to the history of the term "republicanism", as well as the question of the relationship between the terms "republicanism" and "neo-republicanism". A number of regional and synthetic approaches to understanding Republicanism are analyzed in detail. The author shows that modern republican theory is rather heterogeneous and contradictory. Representatives of different approaches sometimes seriously disagree on the key points of its conceptual content, which significantly complicates the development of an understanding of republicanism that would allow us to speak of it as having an internal unity of political thought. In the conclusion, based on the data obtained, an attempt has also been made to identify topics that overlap in the approaches considered, which can become a starting point for further research in this area.

Keywords: Republicanism, Republic, Republican Thought, Roman Republicanism, Greek Republicanism, Classical Republicanism, Freedom, Nondomination.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-252-276.

REFERENCES

- Audier, S. 2021. *Teorii respubliki [Les théories de la république]* [in Russian]. Trans. from the French by S. B. Ryndin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Barducci, M. 2017. *Hugo Grotius and the Century of Revolution, 1613–1718: Transnational Reception in English Political Thought*. Oxford: Oxford University Press.
- Desmons, O. 2019. "Le républicanisme, une solution de rechange au libéralisme politique?" [in French]. *Philosophiques* 46 (1): 95–118.
- Gloukhov, A. A. 2016. "Non-Priority of the Freedom Principles: Non-Frustration, Non-Interference, Non-Domination." *Review of Contemporary Philosophy* 15 (1): 108–131.
- Glukhov, A. A. 2018. "Respublikanizm [Republicanism]: ispravleniye 'krivoy tesiny' [Straightening of the Crooked Timber]" [in Russian]. *Logos* 28 (2): 248–268.
- Honohan, I. 2003. *Civic Republicanism*. London and New York: Routledge.

- Ivanova, M. I. 2023. "Kontseptsiya elit v politicheskoy filosofii respublikanizma [The Concept of Elites in the Political Philosophy of Republicanism]" [in Russian]. PhD diss., MGIMO (u) MID RF [MGIMO University].
- Kant, I. 2024. "K vechnomu miru. Filosofskiy proyekt Immanuila Kanta [Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf von Immanuel Kant]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya po antropologii, filosofii politiki i filosofii religii [Essays on Anthropology, Political Philosophy and Philosophy of Religion in three volumes]*, ed. by V. A. Chalyy, trans. from the German by M. V. Rovbo, 159–211. 3 vols. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta [Immanuel Kant Baltic Federal University].
- Kharkhordin, O. V. 2020. *Respublika, ili Delo publiki [Republic or Public Affairs]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- . 2021. *Respublika. Polnaya versiya [Republic. Full Version]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Langlois, A. J. 2007. "Republicanism and Liberalism." *Politics* 27 (2): 76–82.
- Le Goff, A., and D. Anctil. 2009. "Le néo-républicanisme: état des lieux et présentation du dossier" [in French]. *Les ateliers de l'éthique* 4 (2): 16–24.
- Lovett, F. 2006. "Republicanism." The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed June 19, 2024. <https://plato.stanford.edu/entries/republicanism/>.
- Lovett, F., and Ph. Pettit. 2009. "Neorepublicanism: A Normative and Institutional Research Program." *Annual Review of Political Science* 12:11–29.
- Marey, A. V. 2021. "Ponyatiye res publica v yevropeyskoy politiko-pravovoy mysli [The Concept of Res Publica in European Political and Legal Thought]: ot Drevnego Rima do xvii v. [From Ancient Rome to the xvii Century]" [in Russian]. In *Res Publica [Res Publica] : Russkiy respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa xx v. [Russian Republicanism from the Middle Ages to the End of the xx Century]*, ed. by K. A. Solov'yev, 19–75. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Monnier, R. 2002. "Républicanisme, libéralisme et Révolution française" [in French]. *Actuel Marx*, no. 32, 83–108.
- More, H. 1685. *Some Cursory Reflexions Impartially Made Upon Mr. Richard Baxter His Way of Writing Notes on the Apocalypse, and Upon His Advertisement and Postscript By Phililicrines Parrhesiastes*. London: Printed for Walter Kettily by at the Bishop's-Head in St. Paul's Church-yard.
- Nedyak, I. L. 2018. "Opredeleniye politicheskogo cherez svobodu ot proizvola [Defining the Political Trough the Freedom from Arbitrary Power]: abris grazhdanstvennosti v neoklassicheskom respublikanizme [An Outline of Civic Consciousness in the Neo-Classical Republicanism]" [in Russian]. *Politicheskaya nauka [Political Science]*, no. 2, 53–72.
- Nelson, E. 2004. *The Greek Tradition in Republican Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pavlov, A. V. 2018. "Priklucheniya metoda [Peregrinations of a Method]: Kembrizhskaya shkola (politicheskoy mysli) v kontekstakh [The Cambridge School (of Political Thought) in Varying Contexts]" [in Russian]. *Logos* 28 (4): 255–295.
- Pettit, Ph. 2016. *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo praveniya [Republicanism: A Theory of Freedom and Government]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Yakovlev. With a forew. by A. Pavlov. Moskva [Moscow]: Institut Gaydara [Gaidar Institute Press].
- Pocock, J. G. A. 2020. *Moment Makiavelli [The Machiavellian Moment]: politicheskaya mysl' Florentsii i atlanticheskaya respublikanskaya traditsiya [Florentine Political*

- Thought and Atlantic Republican Tradition*] [in Russian]. Trans. from the English by T. Pirusskaya. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Robert, F. 1991. *Le républicanisme adapté à la France* [in French]. Paris: Edhis.
- Skinner, Q. 2006. *Svoboda do liberalizma [Liberty before Liberalism]* [in Russian]. Trans. from the English by A. V. Magun. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- . 2013. “Ideya negativnoy svobody [The Idea of Negative Liberty]: filosofskiye i istoricheskiye perspektivy [Philosophical and Historical Perspectives]” [in Russian], trans. from the English by S. Moiseyev. *Logos* 23 (2): 155–186.
- Stark, R. 2009. “Res publica [Res Publica]” [in Russian]. In *Res publica: Istoriya ponyatiya [Res Publica: the History of the Concept]*, trans. by V. V. Serov, 7–66. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Viroli, M. 1995. *For Love of Country. An Essay on Patriotism and Nationalism*. Oxford: Clarendon Press.
- . 2002. *Republicanism*. New York: Hill & Wang.
- . 2014. *Svoboda slug [La libertà dei servi]* [in Russian]. Trans. from the Italian by I. Kushnareva. Moskva [Moscow]: VSh·E [HSE Publishing House].